

Л. А. Чарская

Мой принц

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

Л. А. Чарская

Мой принц / Л. А. Чарская – М.: Книга по Требованию, 2011. – 134 с.

ISBN 978-5-4241-1961-3

Я хочу сказать еще что-то и не могу... Мои мысли кружатся, как огненные птицы, и душа моя горит, как в огне. Смутные образы встают передо мною. Я не в силах оставаться в этих залах, меня влечет на воздух, за стены Смольного монастыря. Лечу как на крыльях, несусь по длинным коридорам, оставив в недоумении моих подруг. Беру извозчика и умоляю его скорее ехать на Фонтанку. Что-то толкает меня, что-то гонит вперед... Желание писать стихи, как бывало в дни юности и отрочества? Вылить в дневнике свои мысли на бумагу? Нет, это что-то другое, чему еще нет названья, нет имени, что совсем еще ново и непонятно для меня..

ISBN 978-5-4241-1961-3

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Лидия Чарская
Полное собрание сочинений
Том двадцать четвертый

Для детей среднего и старшего возраста
С рисунками

Мой принц

Глава 1

Длинный, длинный коридор, по обеим сторонам которого высокие, большие двери с надписями: «библиотека», "музыкальный класс", «репетиционная»... В самом конце, над дальней дверью, небольшой образ, здесь домовая церковь.

Осеннее солнце белыми зайчиками играет на квадратах паркета.

Я останавливаюсь у третьей двери направо, с небольшою вывескою: "канцелярия".

Там, за дверью, моя судьба.

Я похолодевшею рукою дотрагиваюсь до медной ручки. Когда дверь распахивается, я точно проваливаюсь в какую-то бездну.

"Ну, Лида Воронская-Чермилова, крепись! Ты сама жаждала этого, — повторяю я мысленно. — Никто не толкал тебя сюда. Собери же все твое мужество, вспомни, ради кого ты пришла завоевывать труднодостижимое, и крепись".

Но, как ни стараюсь я подбодрить себя, мои колени подгибаются, а руки дрожат.

Первое, что бросается мне в глаза, это большой письменный стол, перед ним широкое кресло. В кресле — господин в синем вицмундире, плотный, с тонко закрученными длинными усами и быстрым живым взглядом карих глаз. Совсем как институтский преподаватель.

И совершенно упустив из вида, что мне двадцатый год, я отвечаю незнакомому господину самый "непозволительно-низкий" реверанс, точно я какая-нибудь пятиклассница-институтка.

Затем, поняв свою ошибку, нелепо складываю руки «коробочкой», как это делают институтки, когда им приходится выслушивать выговор начальницы и инспектрисы, и молчу, вытаращив глаза на господина в синем вицмундире. А в голове невидимые молоточки стучат: "Кончено! Осрамилась! Совсем осрамилась на веки веков и бесповоротно. О, глупая, трижды глупая Лида!"

Вероятно, я представляю собою довольно комичное зрелище, потому что легкая улыбка появляется у господина в вицмундире. Он привстает со своего места и ободряюще говорит:

— Вы, вероятно, желаете быть допущены к конкурсному экзамену и подавали прошение? Ваши бумаги здесь?

— Да, — говорю я так, точно от моего ответа зависит жить или умереть, — я послала сюда прошение и бумаги.

— Ваша фамилия? — обращается он ко мне с вопросом, роясь в то же время в кипе бумаг на письменном столе.

— Лида Воронская, — выпаливаю я как-то уж слишком быстро и цепеню от ужаса.

Какая же я Лида, да еще Воронская, когда мое настоящее имя Лидия и уже второй год я больше не Воронская, а Чермилова!

Я хочу поправить свою ошибку и начинаю лепетать что-то.

Слава Богу! Господин в синем вицмундире ничего не замечает. Он ищет мое прошение среди вороха бумаг и не находит.

— Странно! Гм! Очень странно! — говорит он. — Прощения Лидии Воронской здесь нет.

— Ну, конечно! — отвечаю я, мгновенно приходя в себя. — У вас и не может быть прощения Лидии Воронской.

— То есть, что вы хотите этим сказать? Проницательные глаза его смотрят строго, почти сердито.

— Ах, извините, — роняю я безнадежно, — я... я... ошиблась... я... не Лида Воронская, а Лидия Чермилова... Воронская — это моя девичья фамилия. А я замужем.

— Замужем? — спрашивает удивленно «вицмундир». — Такая молоденькая и уже замужем!

В лице его я вижу сомнение, правду ли я говорю.

Тогда я быстро начинаю объяснять ему, что мне скоро двадцать лет, что замужем я уже почти два года, что я мать шестимесячного мальчика и что решила работать для моего ребенка; хочу, во-первых, сама, своим трудом, поднять его на ноги, а во-вторых, хочу добиться славы, чтобы мой ребенок мог впоследствии гордиться своею матерью, и вот, по этим двум причинам, прошу зачислить меня на драматические курсы.

Я говорю, не останавливаясь ни на минуту. Видя, что господин в вицмундире слушает меня внимательно и не прерывает, я уже не могу удержаться и... начинаю, неизвестно зачем, описывать наружность "моего маленького принца", как я называю моего ребенка, рассказываю про его характер, про его привычки, словом, все то, что меня так забавляет и радует в нем.

Затем я объясняю моему слушателю, что мой муж офицер, что он уехал в Сибирь и ранее трех лет не вырвется оттуда, что мужа моего я называю "рыцарем Трумвилем", а он меня «Брундегильдой», что прежде жили мы в Царском Селе, в офицерском флигеле стрелкового батальона, что я свою квартиру называла «замком», что, кроме мужа, у меня отец и мачеха, которых я называю «Солнышко» и «мама-Нэлли», что именно у них я жила после отъезда мужа.

— Позвольте, позвольте! — смеясь, прерывает меня, «вицмундир». — Не знаю, какое все это имеет отношение к вашему прошению относительно допущения вас к экзаменам?

— О, близкое, очень близкое! — возражаю я, — ведь я решила оставить Солнышко и маму-Нэлли исключительно для того, чтобы поступить к вам на курсы. А поступить я желаю, во-первых, потому что я уже вам объяснила причину...

— Все это прекрасно, — осторожно прерывает он меня. — Я вижу, что у вас много темперамента, искренности. Для того дела, которому вы желаете посвятить себя, все это, конечно, весьма желательно, но самое важное — безграничная любовь к нему. Она, эта любовь, пожалуй, даже важнее таланта, способностей, и без нее не добиться намеченной цели...

Тут мой собеседник заговорил о театре, о сцене, о драматическом искусстве, о том, сколько усилий и работы требуется для того, чтобы стать артисткою.

— Вы сказали, что хотите работать ради вашего ребенка. Это, конечно, похвально. Но, мне кажется, для этого вы выбрали не совсем подходящий путь... Чтобы посвятить себя сцене, искусству, нужно прежде всего любовь к нему... Скажите, задавали вы себе вопрос, достаточно ли у вас любви к искусству, чтобы

преодолеть все те трудности, которые вас ожидают в будущем на поприще артистки?...

Минуту глаза господина в вицмундире смотрят в мои вопрошающим строгим взглядом, как будто желая угадать все, что происходит в моей душе.

— Люблю ли я искусство? — говорю я, точно разбуженная его словами, — да я его не только люблю, я его обожаю... Я убеждена, что это самое лучшее, что есть на земле... Ведь искусство — это правда и красота... Да, я, хочу стать артисткой, чтобы работать для моего ребенка, но вместе с тем я уже давно чувствую влечение к сцене, к театру.

— Вы никогда не выступали на сцене? — спросил он.

— Ах, нет, если не считать двух любительских спектаклей... Но с детства я упиваюсь отрывками трагедий, стихами... С детства чувствую призвание к сценическому искусству, хотя имею о нем пока лишь смутное понятие... И я... я живу мечтою о чем-то большом и красивом, что должно поднять меня на своих крыльях и унести от земли...

— Все это прекрасно, — замечает господин в вицмундире и смотрит на мою хрупкую, тоненькую, как у подростка-мальчугана, фигуру, — но вынесете ли вы, под силу ли вам будет тот труд, под которым сгибались гораздо более крепкие спины? Путь, избранный вами, труден и тернист, а вы, в сущности, еще дитя и хрупкое дитя при этом...

— Любовь к моему ребенку меня поддержит, — говорю я пылко и убежденно.

— Но ваше здоровье? У вас такой слабый голос, и сама вы такая худенькая, слабенькая...

— Ради Бога, — лепечу я в волнении, все сильнее и сильнее охватывающем меня, — не обращайтесь внимание на это. Увидите, я все пересилю, я буду стараться, буду работать... примите только меня на ваши курсы, умоляю вас!

И я с мольбою складываю руки на груди. Лицо его делается совсем строгим.

— Это не от меня зависит, а от результата испытания, которому вы должны подвергнуться, — говорит он официальным голосом. — Вы говорите, ваша фамилия Чермилова, Лидия Чермилова. Да, ваши документы здесь у меня, — и, перелистывая их, вскользь замечает, — все в порядке. Вы кончили институт, аттестат здесь, и потому нет никаких препятствий к допущению вас к испытанию. Последнее же решающее слово принадлежит уже конференции.

— Ой!

Я снова проваливаюсь куда-то, и это «ой» звучит из глубины той бездны, куда скатилась сейчас моя испуганная душа. Это «ой» вызывает добродушную улыбку господина в вицмундире, и все лицо его, благодаря этой улыбке, становится снова милым и простым.

Через минуту он говорит опять строго и официально.

— Еще одно: вы замужем, а, по существующим правилам, без разрешения мужа вас принять нельзя будет, даже если вы выдержите испытания.

— Без разрешения мужа! — вскрикиваю я, забывшись. — Да разве он может запретить мне то, что я хочу? Он — "рыцарь Трумвиль"! Настоящий, всамделишный рыцарь!

Господин в вицмундире улыбается. Поняв всю несурзность вырвавшейся фразы, я заливаюсь мучительным румянцем.

— Впрочем, — добавляю я быстро, — разрешение у меня имеется... Я завтра

же представлю его вам.

— В таком случае, вы можете явиться в субботу к экзамену, — говорит спокойно мой собеседник, делая какую-то пометку на моем прошении.

Я снова «окунаюсь» совсем уже по-институтски и с пылающими щеками выскакиваю за дверь.

Я уже успела спуститься до второй площадки широкой лестницы, когда сверху раздался голос выбежавшего за мною господина в вицмундире.

— Госпожа Чермилова, запомните, что экзаменационные испытания будут производиться в будущую субботу, в восемь часов вечера!

Я с трудом удерживаюсь, чтобы не осрамиться в десятый раз, и, поклонившись "как взрослая", так стремительно сбегая вниз по отлогим ступеням, что у подавшего мне пальто швейцара полное недоумение в глазах.

— Кто этот господин в вицмундире там наверху? — спрашиваю я, одеваясь в передней.

— Это инспектор драматических курсов при Императорском театральном училище Викентий Прокофьевич Пятницкий, — объясняет важно швейцар.

— А-а! — говорю я и выбегаю на улицу.

В душе моей целая буря... Надежда, сомнение, страх и отчаяние — все переплелось во мне. Я несусь по тротуару, не обращая внимание на прохожих. Какой-то старичок в цилиндре, которому я нечаянно наступила на ногу, отпускает что-то нелестное по адресу дурно воспитанной нынешней молодежи...

За углом встречаю разносчика с шарами... Красные, синие, желтые... И... тут мои мысли сразу сменяются другими, ничего общего не имеющими с предстоящим испытанием. "Который из этих шаров купить моему принцу?" — думаю я с минутой и покупаю три сразу: красный, желтый и голубой, и бегу снова к моему милому маленькому сынишке, в мою квартирку в Кузнечном переулке...

Уже издали я вижу его в окне на руках кормилицы.

Машу шарами и кричу, забывшись, на всю улицу:

— Принц! Маленький принц! Это тебе! Это тебе!

У прохожих испуганные лица. Городовой начинает беспокоиться на своем посту.

Ах, какое мне до них всех, в сущности, дело! Сию минуту на свете нас только двое: я и мой маленький принц!

Я пересекаю двор и трезвоню у двери.

Улыбающаяся румяная кухарка Анюта встречает меня:

— Ну, как? Благополучно ли, барыня?

Она только второй день служит у меня, но посвящена во все мои дела.

— Отлично! Прощение мое принято и в субботу экзамен! — кричу я и с шарами в руках несусь в детскую.

Вот он, моя прелесть, белокурый, кудрявый, светлоглазый, немного хрупкий, немного бледный и тонкий, — совсем как его юная мать. Смотрит на шары и улыбается.

О, прелесть моя!

Перебирая его пушистые кудерки и прижимая к груди это бесценное для меня тельце, я решаю:

"Радость моя! Для тебя одного я должна завоевать будущее, для тебя буду работать, буду стараться, чтобы ты мог вполне гордиться твоей маленькой мамой!"

Чтобы ты мог жить без лишений, радостно, весело и светло!"

Удастся ли мне это?

* * *

Вся следующая неделя проходит как в чаду. Обе небольшие комнаты моей скромной квартирки оглашаются с утра до вечера то какими-то странными выкриками, то низкими-низкими нотами, то веселым детским лепетом.

И дикие крики, и тихий лепет, и низкие грудные ноты — все это мое. Это я для предстоящего экзамена декламирую бессмертную лермонтовскую поэму «Мцыри», повторяю басню Крылова "Ворона и Лисица". Мрачный, умирающий, юный, одинокий Мцыри, Лиса Патрикеевна, ротозейка ворона — все это чередуется одно с другим. Я быстро перевоплощаюсь из одного лица в другое. Так и надо. Необходимо даже. Путь, избранный мною, требует отречения от собственной личности, требует перевоплощений...

*Меня могила не страшит,
Там, говорят, страданье спит
В холодной вечной тишине;
Но с жизнью жаль расстаться мне...*

Это говорит юный умирающий Мцыри.

Я вижу перед собой угрюмое бледное лицо, пламенные глаза, прекрасную, гордую голову, и в груди моей разливается огонь сочувствия, жалости безысходной тоски. Мне до боли жаль этого несчастного, одинокого Мцыри... Представляю в его положении себя... Жаль и себя, безумно жаль. Он, я — все смешивается... Ах, как грустно и как сладко! Какая-то волна поднимается со дна души и захлестывает меня. Накатила, подхватила и понесла. Голос мой крепнет и растет.

*И вспомнил я отцовский дом,
Ущелье наше и кругом
В тени рассыпанный аул...*

Да, да, я вспоминаю и аул, и саклю... Мою саклю... Там растут прекрасные дикие кавказские розы и грозно шумит горный поток... Там я жила, там бегала и резвилась ребенком... Или это только кажется мне?

Плач моего маленького принца приводит меня в себя. Голова кормилицы Саша в красивом голубом повойнике просовывается в дверь.

— Барыня-касаточка, потише, пожалуйста, — Юреньку разбудишь.

Достаточно этих нескольких слов, и Мцыри исчезает мгновенно, а с ним и кавказские розы, и горный поток...

Я бегу к милой колыбельке, извлекаю из нее теплое, раскрасневшееся от сна крошечное существо, осыпаю его поцелуями и, смеясь, декламирую с ужимками, от которых Саша валится со смехом на кровать:

*Вороне где-то Бог
Послал кусочек сыра...*

Потом происходит торжественное облачение «принца», и мы выносим его на прогулку.

А вечером, после обычного купания моего Юрика, я, наглухо заперев дверь в детскую и опустив тяжелую портьеру, начинаю снова:

*Ты видишь на груди моей
Следы глубокие когтей;*

